

ГЕНЕРАЛ-ОТ-КАВАЛЕРИИ П. Н. КРАСНОВ

биографию Петра Николаевича Краснова никак не назовешь заурядной. Она нетипична не только для донского казака, но и вообще для офицера последних десятилетий существования Императорской России и ее Армии. Не менее ярок был и эмигрантский период жизни бывшего Донского Атамана, драматичны последние годы его жизни во время Второй мировой войны, трагична смерть в советском застенке...

* * *

Петр Николаевич родился 10 сентября 1869 года в Санкт-Петербурге, где его отец служил в Главном Управлении иррегулярных (казачьих) войск. Большой род Красновых был тесно связан с историей Донского казачества. Предки будущего Донского Атамана не раз возглавляли казачьи полки в многочисленных войнах России XVIII–XIX веков. Один из них – Иван Косьмич

Краснов (или Краснов 1-й), прапрадед Петра Николаевича, начинал свою службу при А. В. Суворове, участвовал в Русско-Турецкой (1787–1791) и Русско-Польской (1794–1795) войнах, а в 1812 году был смертельно ранен; в начале XX века в составе Российской Императорской Армии существовал 15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полк.

Коренные казаки (хутора Каргина³⁵ Вешенской станицы) Красновы уже давно «закрепились» в Петербурге: дед П. Н. Краснова – Иван Иванович (1800–1871) – служил Лейб-Гвардии в Казачьем Его Величества полку, стоявшем в столице Империи, а затем и командовал им. Кстати, он стал первым из Красновых, всерьез взявшимся за перо: известны его стихотворные и историко-этнографические произведения. Во время Крымской войны 1853–1856 годов И. И. Краснов руководил обороной Азовского побережья.

Его сын, Николай Иванович (1833–1900), закончивший Первый Кадетский корпус в Петербурге, начал службу Лейб-Гвардии в 6-й Донской казачьей Его Величества батарее. Помимо военной службы, он имел склонность и к литературному творчеству: вел отдел критики в газете «Петербургские ведомости», был автором ряда работ по истории казачества. У Николая Ивановича было три сына: старший, Андрей, – крупный ученый, занимавшийся естествознанием и географией, создатель Батумского ботанического сада; средний, Платон, – математик и железнодорожник, занимавшийся также переводами западной лирики, писавший многочисленные критические и историко-литературные статьи; младший – Петр, продолживший семейную военную линию, но не забывавший и перо.

Донской казак Петр Краснов рос и воспитывался в Петербурге, где закончил пять классов 1-й классической гимназии. Можно было пойти по стопам братьев: гимназия, университет или институт и научная деятельность либо гражданская служба, дававшие в конце XIX века больший доход, чем военная карьера, что было немаловажно для небогатой и многочисленной семьи Красновых. Можно было посвятить себя целиком и литературному творчеству. Но «военная жилка» возобладала, и Петр переводится в 5-й класс Александровского кадетского корпуса. «Мы были кадетами – тогда “своекоштного” корпуса – “приходящего”, – вспоминал П. Н. Краснов много лет спустя. – Кроме месяца Петергофского лагеря, куда ходила наша строевая рота³⁶, мы жили дома, у родителей. Мы были избалованы родительской лаской, матерями, тогдашним семейным бытом, с братьями и сестрами, с прислугой, горничными и кухарками, со старой няней, всю эту волею жизни на родительской квартире».

Петр Краснов успешно заканчивает корпус в 1887 году. Еще была возможность свернуть с военной стези, но, как и большинство его однокашников, он поступает в военное училище. Выбор Петра Николаевича пал на 1-е Военное Павловское, готовившее офицеров пехоты. Отец настаивал на службе Петра в Гвардейских казачьих частях, но, чтобы выглядеть «не хуже других» в Николаевском кавалерийском, требовались дополнительные финансовые затраты, а учеба в Михайловском артиллерийском продолжалась на год дольше. Ничего этого большая и сравнительно небогатая семья Красновых не могла себе позволить. Среди оставшихся училищ «на первом месте» стояло Павловское.

«Отец благословил меня, – вспоминал позднее Петр Николаевич, – идти в пехотное училище, сказав:

– Служба в пехоте есть основание всякой воинской службы. Суровая репутация училища – лучшее, что может быть...»

Благодаря своему росту П. Н. Краснов попал в первую роту – роту Его Величества, шефом которой был царствующий Император, чьи металлические вензеля рота носила на своих погонах, поверх «общеучилищного» вензеля Императора Павла I. Устав, выправка, строй были священны для юнкеров-«Павлонов». С первых же дней им прививалась скромность: из личных вещей разрешалось иметь лишь штыковые ножны и сапоги. Мундир же должен быть казенным, даже если выданный из училищного цейхгауза был весьма поношен. Добиваясь от своих подопечных идеальной выправки, офицеры на строевых занятиях буквально «священнодействовали», и выпускники училища заслуженно считались лучшими строевиками Императорской Армии.

Петр Краснов успешно проходил в училище курс наук и показал себя прекрасным строевиком – на втором году обучения он становится портупей-юнкером, а вскоре и фельдфебелем Государевой роты. Вся ответственность за внутреннюю жизнь роты лежала на нем, и Краснов с честью справлялся с исполнением своих обязанностей. По войсковым правилам он должен был выйти «в комплект Донских казачьих полков» и только после годичной службы мог быть прикомандирован к Гвардейскому полку. Но молодому Петру Краснову судьба благоволила: после успешного Высочайшего смотра поблагодаривший фельдфебеля Император Александр III распорядился сразу прикомандировать его Лейб-Гвардии к Атаманскому Наследника Цесаревича полку.

10 августа 1889 года фельдфебель Павловского училища Петр Краснов был произведен в хорунжие и зачислен в комплект Донских казачьих полков с прикомандированием к Атаманцам. Через год он переводится Лейб-Гвардии в Атаманский полк, а 17 марта 1891 года начинается и «официальная» литературная деятельность П. Н. Краснова: в издании Военного Ведомства – газете «Русский Инвалид» – появляется его первая заметка. Впоследствии Петр Николаевич не ограничится лишь военными изданиями («Военный Сборник», «Разведчик», «Вестник Русской Конницы»), но будет сотрудничать и в гражданских – «Петербургском Листке», «Биржевых Ведомостях», «Ниве» и др. «Я мечтал пятидесяти лет (после пятидесяти – какой же может быть кавалерист!..) выйти в отставку и стать ни больше ни меньше, как Русским Майн-Ридом!» – не без самоиронии напишет он позднее. Пока же, весной 1892 года, будущий «Майн-Рид» решает поступать в Николаевскую Академию Генерального Штаба.

Краснов не имел твердой цели стать обязательно офицером-генштабистом, но, будучи фанатиком службы и относясь к ней творчески, он хотел расширить свой кругозор, полагая, что знания не могут помешать строевому офицеру. Петру Николаевичу удается с первого раза поступить в Академию, но проучился там он всего год. Молодой офицер вместо скучных лекций продолжает активное литературное творчество, дававшее немалую прибавку к жалованью. Вследствие такой «увлеченности» он проваливается на переводных экзаменах и отчисляется из числа слушателей Академии, без особого сожаления вернувшись в любимый полк. В том же 1893 году выходит его первая книга.

Произведенный в сотники Краснов назначается в 1894 году полковым адъютантом, а вскоре ему поручается и работа над полковой историей. Сотник усердно берется за дело и к 1898 году составляет «Атаманскую Памятку». Выходят в свет его роман «Атаман Платов», сборники рассказов и историческое исследование «Донской казачий полк сто лет тому назад». При постепенно нарастающем негативном отношении общества к Армии Краснов становится

одним из немногих, кто может дать талантливый отпор этим разрушающим Империю настроениям.

В 1896 году сотник Краснов женится на дочери действительного статского советника Лидии Федоровне Грюнезейн, для которой этот брак был вторым. Они стали прекрасной парой, прожили вместе более четырех десятилетий, сохранив теплоту отношений.

* * *

Мечта стать «русским Майн-Ридом» не покидает Краснова и после женитьбы. Когда в 1897 году в Абиссинию направляется первая российская дипломатическая миссия, он добивается назначения начальником ее конвоя, составленного из Гвардейских казаков. При дворе Императора Абиссинии Менелика II русским был оказан самый теплый прием, казаки же конвоя удивили Негуса своей джигитовкой. Первым, стоя на двух лошадях, скакал начальник конвоя — сотник Петр Краснов. Посланный затем со срочным донесением в Санкт-Петербург, Краснов на муле покрывает расстояние в 1000 верст, на которое миссии потребовалось 3 месяца, за 11 дней. Впечатления о путешествии вылились в книги: «Казаки в Абиссинии. Дневник начальника конвоя», «Казаки в Африке» и повесть «Любовь абиссинки».

Служба Краснова в полку идет довольно успешно. Страстный фанатик строевого дела, он на некоторое время покидает адъютантскую должность, возвращается в сотню, увлеченно занимается с ней, обучает и воспитывает казаков. В эти годы Краснов горячо проповедует первенство именно строевого офицерства (непосредственно занимающегося военным делом, обучающего солдат), которое в случае войны и пойдет в бой. Штабные и интендантские офицеры, преподаватели военных училищ и кадетских корпусов, по мнению Петра Николаевича, должны уступать первенство строевикам, тянущим свою тяжелую лямку, медленней всехдвигающихся по службе и бедствующих на нищенском жаловании. «...Самое важное для успеха нашего святого военного дела — это любовь к нему, любовь до самозабвения, до самоотречения», — такой вывод делает он. Истый кавалерист и сторонник необходимости занятий спортом для офицера, Краснов — непременный участник конноспортивных праздников и скачек. Многие

свои произведения он будет подписывать «Гр. А. Д.» по кличке своего любимого коня – «Град».

Петр Николаевич уверен, что военный человек обязан в мирное время постоянно повышать свой профессиональный уровень, в военное же – место офицера только на поле боя. В 1900 году русские экспедиционные войска направляются в Китай, охваченный беспорядками (так называемое «Боксерское восстание»), и в 1901 году туда же отправляется специальный корреспондент «Русского Инвалида» подъяесаул Краснов. Замеченный Государем, внимательно читавшим «Инвалид», Петр Николаевич был командирован в Китай «по Высочайшему повелению» и в течение полугода вместе с супругой изъездил верхом вдоль и поперек Маньчжурию, Уссурийский край, побывал во Владивостоке и Порт-Артуре. Тогда же он посетил Японию, Китай и Индию, публикуя путевые заметки «По Азии».

В 1902 году проходят «Большие Курские маневры», в которых участвуют войска четырех военных округов. Краснов состоит на них в качестве ординарца при командующем «Южной армией» генерале А. Н. Куропаткине – тогдашнем военном министре. В том же году Петр Николаевич командировается, опять в качестве корреспондента, на беспокойную границу с Персией и Турцией, где знакомится с жизнью стоящих там казачьих частей. Все виденное он описывает в статьях и очерках.

Ненадолго подъяесаул Краснов вновь принимает должность полкового адъютанта, но начавшаяся в 1904 году война с Японией срывает его с безопасной должности. Не дождавшись рассмотрения своего прошения об откомандировании в Действующую Армию, Краснов едет туда все от того же «Инвалида». Простой корреспондент – это не для него, и, приписанный к Штабу Забайкальской казачьей дивизии, он водит казаков в бои – ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость», Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом, мечи (указание на боевые заслуги) к ранее полученному ордену Святого Станислава III-й степени подтверждают это. Опыт боев и замеченные достоинства и недостатки русских войск находят свое отражение в двухтомнике «Год войны» и многочисленных статьях.

В 1906 же году П. Н. Краснов принимает в командование 3-ю сотню родного Лейб-Гвардии Атаманского полка. Вспоминая позднее о том периоде службы, Петр Николаевич писал:

«Я был очень близок с казаками. В молодые годы, младшим офицером, я жил с казаками одной жизнью, ночевал в полевых поездках и на маневрах в одной хате, в поле, на сеновале, сутками был с ними и много с ними говорил, – говорил откровенно, по душе, не как начальник, а как старший брат с младшим.

Я знал родителей многих казаков, говорил с ними.

Я никогда не слышал ропота, жалоб на разорение, на тяжесть службы.

Молча, в величайшем сознании своего долга перед Родиной, несли казаки свои тяготы по снаряжению на службу и гордились своим казачьим именем.

В них было прирожденное чувство долга».

* * *

В 1907 году Петр Николаевич откомандировывается в Офицерскую Кавалерийскую Школу. Интересно, что казак Краснов оканчивает кавалерийский, а не считавшийся более легким казачий отдел Школы: досконально ознакомившись с тонкостями казачьей службы, подъяесаул счел своим долгом постичь особенности регулярной кавалерии, дабы иметь возможность сравне-

ния. В том же году он наконец-то производится «за выслугу лет» в чин есаула, со старшинством аж с 10 августа 1901-го.

По окончании курса Школы есаул Петр Краснов зачисляется в ее постоянный состав, вскоре становится сначала исполняющим должность помощника по строевой части начальника казачьего отдела, а затем — и исполняющим должность начальника отдела. После командировок с проверкой учебных сборов казаков Оренбургского, Донского, Терского и Уральского Войск он утверждается в должности начальника казачьего отдела Школы. В его аттестации записано:

«Службу знает отлично, относясь к ней с увлечением, а потому представляет для подчиненных прекрасный пример, проявляя строгую требовательность, беспристрастие и заботливость. Отлично знает быт офицера и нижнего чина. Подробно изучил самобытный уклад казачьей жизни. Здоровья отличного. Хороший манежный ездок и превосходный, неустойчивый, лихой наездник в поле. Очень развитой, способный и в высшей степени любознательный, талантливый штаб-офицер, не только интересующийся военным делом, но и проявляющий к нему исключительную любовь. Много раз бывал за границей... Знает иностранные языки. Следя за военной литературой, принимает в ней видное участие; за свои талантливые статьи давно отмечен крупными авторитетами.

Работоспособность и энергия его, разумная инициатива строевой деятельности исключительные, почему всякое поручение исполняется этим штаб-офицером превосходно и с ярким оттенком высокого воинского духа. Прекрасный семьянин, чужд кутежей, азарта и искания популярности. Рассудительный, тактичный, настойчивый, с сильной волей и характером, он пользуется авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Бережливый к казенному интересу, одарен организаторскими способностями.

Выдающийся штаб-офицер этот достоин возможно скорейшего выдвижения по службе и назначения командиром казачьего полка вне очереди».

В 1910 году Петр Краснов производится в полковники («в исключение из правил») и назначается командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, расквартированного в Средней Азии, у Памира, «у подножья Божьего трона», как образно скажет он потом. Почти три года жизни Петра Николаевича пройдут на китайской границе, а затем, в самом конце 1913 года, он примет 10-й Донской казачий генерала Луковкина полк, стоявший на границе с Австро-Венгрией.

Новому командиру довольно быстро удалось взять полк в руки. В любое время года еженедельно происходили маневры в поле, не только днем, но и ночью; постоянно стала проводиться офицерская езда и стрельбы, для младших офицеров — гимнастика и фехтование. Не забывались и тактические занятия. Краснов вставал на сторону офицеров и казаков в мелких, но неизбежных столкновениях с населением еврейского местечка, что грозило немалыми проблемами: начиная с беспорядков 1905 года установилась пагубная «традиция», когда в столкновении с гражданскими лицами виновными оказывались всегда военные. Широко была отмечена вековая годовщина сражения под Краоном, где особенно отличились казачьи полки Мельникова 4-го и Мельникова 5-го — родоначальники 9-го и 10-го Донских казачьих полков. У полка появился свой марш, издана историческая памятка. Во главе 10-го полка полковник Краснов начинает и кампанию 1914 года.

«В разведке». Рисунок Н. Самокиша

* * *

В первые же недели войны П. Н. Краснов отличился, получив Георгиевское Оружие «за то, что в бою 1-го августа 1914 г. у гор[ода] Любича личным примером, под огнем противника, увлекая спешенные сотни своего полка, выбил неприятеля из железнодорожной станции, занял ее, взорвал железнодорожный мост и уничтожил станционные постройки». Начальство не оставляет без внимания успешные и умелые действия полковника: в ноябре 1914-го

он производится в генерал-майоры и назначается командиром 1-й бригады (в составе 9-го и родного 10-го полков) 1-й Донской казачьей дивизии.

1915 год принес, помимо невиданных доселе тягот войны, для Краснова активное продвижение по службе: сначала он назначается командиром 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии (более известной, как «Дикая дивизия»). Под командой донского казака находились Черкесский и Татарский³⁷ полки. Командуя горцами, Петр Николаевич получает орден Святого Георгия IV-й степени «за выдающееся мужество и храбрость, проявленные им в бою 29-го мая 1915 г. у м[естечка] Залещики и с[ела] Жожавы на р[еке] Днестре, где умело предводительствуя [3-й] бригадой Кавказской туземной конной дивизии с приданными к ней ополченческими частями и Конной Заамурской пограничной бригадой, находясь под сильным огнем и при сильном натиске австр[о]-германской дивизии Генерала германской службы Кайзера, он, видя потерю нашими войсками части позиции, вызвавшую неизбежность отступления по всему фронту, для выручки своих от грозившей им опасности, лично предводительствуя 3 и 4 Заамурскими конными полками, произвел блистательную атаку на нерасстроенную пехоту противника, увенчавшуюся полным успехом, причем было изрублено более 500 человек и взято в плен 100 человек». Краснов повел в эту атаку по две сотни от каждого полка Заамурской конной бригады, которой командовал его старый друг и будущий сотрудник в 1918 году, генерал Черячукин. Несмотря на громадные потери: из 12 офицеров 8 ранено, 2 убито, ранено и убито около 200 пограничников (50% атаковавших) – победа была полной: наступление противника остановилось, ему пришлось даже оттянуть свои батареи.

Летом того же года генерал-майор Краснов назначается начальником 3-й Донской казачьей дивизии, но практически сразу переводится на 2-ю Сводную казачью, с которой и пройдет почти два года Великой войны.

Под командой Петра Николаевича оказываются казаки четырех различных Войск: 1-ю бригаду составляют 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки; 2-ю бригаду – 1-й Линейный генерала Вельяминова полк Кубанского Казачьего Войска и 1-й Волгский полк Терского Казачьего Войска; артиллерию дивизии – Оренбургские казачьи батареи. Один из первых биографов П. Н. Краснова пишет:

«Во главе дивизии – ряд красочных дел – победа и слава освещают путь донцов и кубанцев, терцев и оренбуржцев... Дивизия становится синонимом удали, лихости. Соревнование кавказцев и донцов, донцов и кавказцев – бесконечное... Пленные, орудия, пулеметы и др. трофеи – боевой сказатель³⁸ дивных дел сводной дивизии... Боевой успех, искусство начальника – это минимум потерь при успехе. Именно то, чего у многих наших начальников не было, а наоборот, существовала глупейшая и преступнейшая чуть ли не аксиома на фронте: “раз нет потерь – не было и дела”. П[етр] Н[иколаевич] презирал эту “аксиому”...»

Краснов принял дивизию в разгар Великого Отступления Русской Армии. Неся тяжелые потери от огня многократно превосходящей германской тяжелой артиллерии, она откатывалась назад, не в силах полноценно противостоять германцам, которые сосредоточили свои главные силы на Восточном фронте с целью вывести Россию из войны. Не раз русской кавалерии приходилось, жертвуя собой, прикрывать отступление пехоты. На долю красновской дивизии выпало прикрытие отхода 3-го армейского корпуса в Седлецкой губернии:

*Расчет 90-мм миномета,
1916 год*

«Семь рядов во взводах и 70–75-верстный фронт... Было над чем призадуматься! И дивизия делает великое дело – спасение своей пехоты... Беспрерывные бои, неожиданные для неприятеля броски частей дивизии, и в результате пехота спасена, перегруппировка – факт свершившийся. Короткие сильные удары сотен в конном и пешем строю, появление казаков там, где их меньше всего ожидали немцы, заставляет последних ощупью двигаться, задерживаться там, где они при других обстоятельствах могли бы пройти без усилий для себя... Искусство и опыт

заменяют дивизии недостающих бойцов, удаль, историческая удаль казаков, помогает начальнику. Славные дела!!!»

О военном искусстве Краснова говорят следующие цифры: за десять дней жесточайших боев 7–17 сентября 1915 года у Кухоцкой Воли, во время которых казаками были взяты железобетонные укрепления германцев, дивизия потеряла лишь 3 офицеров и 37 казаков убитыми и соответственно 7 и 145 – ранеными. В те месяцы пехотные полки под ударами германцев нередко теряли по несколько сот человек убитыми в один день. Несколько раз Краснов отправлялся со своими частями в набег по тылам наступавшего противника: «...гордо реет значок смерти Баклановцев³⁹ среди бегущих толп неприятеля и, как в старину – значок впереди, только теперь уже около П. Н. Краснова и там, где он, нет отступления, там ужас смерти и гимн победы вековых, исторических казачьих знамен». Осенью 1915-го австро-германское наступление выдыхается, не достигнув своей цели. До мая 1916 года 2-я Сводная казачья дивизия пополняется и сидит в окопах – самое нелюбимое казаками занятие на войне.

В конце мая 1916 года дивизия Краснова одна из первых начала Луцкий прорыв армий Юго-Западного фронта, вошедший в историю как «Брусилловское наступление». В приказе по IV-му кавалерийскому корпусу говорилось:

«Славные Донцы, Волжцы и Линейцы, ваш кровавый бой 26 мая у В. Голузийской – новый ореол славы в истории ваших полков. Вы увлекли за собой пехоту, оказывая чудеса порыва...

...Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия, руководимая железной волей генерала Краснова».

Последующие месяцы боев покрыли казаков и их командира новой славой. 24 июня Донская бригада атаковала в конном строю окопавшуюся пехоту. О кровопролитных боях на реке Стоход командующий III-й армией генерал Л. В. Леш отмечал в приказе: «Генерал Краснов с казаками и шестью батальонами переправился через р[еку] Стоход у Н. Червище, на остальном фронте противник держится». В этих боях П.Н. Краснов удачно использовал психологический момент, послав в атаку, когда замялась пехота, две сотни Линейцев под командой будущего героя Белого движения, тогда войскового старшины, С. Г. Улагая с пулеметной командой.

«...Серые черкески, за спинами алые башлыки, черные бараньи шапки с красными тумачами, алые бешметы и погоны – ничего “защитного”. Развернулись широкою лавою, целый полк прикрыли. Впереди на нарядном сером коне командир сотни, еще дальше впереди на гнедом коне – командир дивизиона. Как на смотре – чисто равнение. Легко по луговой мокрой траве спорю рысью идут горские кони, не колышутся в седлах казаки. Пошумели по кустам и перелескам, прошли сквозь пехотные цепи. Им навстречу немецкие батареи открыли ураганный огонь, застрочили кровавую строчку пулеметы, котлом кипит огонь винтовок – чистый ад с Любашевского берега... Казаки перешли в намет, скачут через протоки Стохода, алмазными брызгами сверкает вода из-под конских копыт. Все скорее и скорее мчится казачья лава – двести человек на тысячи немцев. Реют алые башлыки... По брюхо в воде бредут кони через главное русло. Стих огонь немцев, в их рядах замешательство, слишком непонятно-дерзновенна казачья атака.

Наша пехота встала и с громовым “ура” бросилась за казаками в воду. Стоходненский плацдарм был занят...»

1916 год не принес победы. Войска готовились к кампании 1917-го, на которую впервые было запланировано единое наступление всех держав, составлявших Антанту. Была общая уверенность: бои весны – лета 1917 года непременно должны привести к долгожданной победе... Но в России грянула революция.

* * *

В первые революционные месяцы 2-я Сводная казачья дивизия стояла под Пинском. Смененная в апреле с позиций, соприкоснувшись с бурлящим и агитирующим тылом, она начала разлагаться. Казаки требовали поделить казенные деньги, выдать новое обмундирование, настаивали, чтобы офицеры, приходя на занятия, здоровались со всеми за руку, перестали чистить и регулярно кормить лошадей, о занятиях не хотели и слышать. Четыре с лишним тысячи молодых людей, от 21 до 30 лет, слонялись без всякого дела, начали пьянствовать и безобразничать: «Казаки украсились алыми бантами, вырядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не хотели и слышать». 4 мая был один из тяжелейших дней в жизни П. Н. Краснова: на станции Видибор его «на глазах у эшелонов 16-го и 17-го Донских полков арестовали солдаты и повели под конвоем со стрельбою в Видиборский комитет». Петр Николаевич больше не мог командовать своей дивизией и подал в отставку. Но вместо этого ему пришлось принять 1-ю Кубанскую дивизию, куда он прибыл 10 июня. Генералу, казалось, удалось заботой о полках дивизии привлечь к себе казаков и придать им вполне приличный вид. Но Краснов не обольщался:

«Внешне полки были подтянуты, хорошо одеты и выправлены, но внутренне они ничего не стоили. Не было над ними “палки капрала”, которой они

боялись бы больше, нежели пули неприятеля, и пуля неприятеля приобрета-
ла для них особое страшное значение.

Я переживал ужасную драму. Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло
все, чему молился, во что верил и что любил с самой колыбели в течение пя-
тидесяти лет – погибла армия¹⁰.

23 августа Краснову было предложено принять в командование III-й кон-
ный корпус, в котором он служил до конца апреля 1915 года. 28 августа Петр
Николаевич прибыл в Ставку, где произошел краткий разговор с Верховным
Главкомандующим генералом Л. Г. Корниловым:

«– С нами вы, генерал, или против нас?..»

– Я старый солдат, ваше высокопревосходительство, – отвечал я, – и вся-
кое ваше приказание исполню в точности и беспрекословно.

– Ну, вот и отлично. Поезжайте сейчас же в Псков и постарайтесь отыскать
там Крымова. Если его там нет, оставайтесь в Пскове; нужно, чтобы поболь-
ше было генералов в Пскове. Я не знаю, как Клембовский? Во всяком случае
явитесь к нему. От него получите указания. Да поможет вам Господь! – Кор-
нилов протянул мне руку, давая понять, что аудиенция кончена».

Однако для наведения порядка и кардинального изменения политической
обстановки в стране («Корниловский переворот» на деле таковым не являлся,
так как полки были двинуты на Петроград по договоренности с премьер-ми-
нистром А. Ф. Керенским) были посланы части с совершенно новыми для них
начальниками, а Кавказская Туземная дивизия должна была еще и развора-
чиваться «по пути» в корпус. В результате случилось то, что и должно было:
движение на Петроград провалилось, генерал А. М. Крымов застрелился по-
сле разговора с Керенским, Корнилов и его единомышленники были аресто-
ваны, а по Армии прокатился новый вал избиения офицеров.

Несмотря ни на что, «контрреволюционный» III-й конный корпус остается
под Петроградом: теперь уже самому Керенскому нужна защита от большеви-
ков. Новый «Главковерх» не мог удержать в голове даже важнейших назначе-
ний, поэтому, не сместив Краснова, он назначает командовать корпусом его
двойного тезку, тоже Петра Николаевича, барона Врангеля. На корпусе остал-
ся Краснов, будущему же вождю Белого движения стали искать другой корпус.

В течение осени 1-я Донская казачья и Уссурийская конная дивизии, со-
ставлявшие корпус, постепенно раздергивались по одной-две сотни с орудия-
ми по всему Северо-Западу России. К моменту «воспетога» большевицкой
пропагандой «похода Керенского – Краснова на Петроград» вместо 50 сотен
оставалось 18, причем разных полков, а вместо 24 орудий Донской артилле-
рии – 12, да 1-я Амурская казачья батарея в 4 орудия, не сделавшая до октя-
бря 1917-го ни одного выстрела. Истеричный Керенский строил из себя Бона-
парта, но совершенно не представлял обстановки. Из-за измены командова-
ния Северного фронта у Краснова, назначенного «командующим армией,
идущей на Петроград», к моменту подхода к Царскому Селу вечером 27 октя-
бря оставалось 480 казаков при 8 пулеметах и 16 конных орудиях, при спе-
шивании же численность отряда уменьшалась до 320 человек. Для сравне-
ния: гарнизон Царского насчитывал 16 тысяч, Петрограда – около 200, не
считая Красной Гвардии и «красы и гордости революции» – матросов.

К бою у Пулковских высот 30 октября силы Краснова «заметно увеличи-
лись» до 9 сотен (630 казаков, 420 – при спешивании), 18 орудий, бронеавто-
мобиля и целого блиндированного поезда. Против них – 6 тысяч, пополам –
красногвардейцев и матросов. Подходящие огромные солдатские части разбе-

гаются от нескольких шрапнелей, не очень стойки и рабочие, зато матросы, которым терять нечего, не бегут. Казаки же, вполне убедившиеся за последние дни в полном своем одиночестве, несмотря на присутствие Керенского, не гоят особым желанием класть головы на алтарь «русской демократии». Десятикратный перевес сказался, и казаки заключили перемирие с большевиками.

Краснов был арестован, но вскоре выпущен и руководил расформированием корпуса: 12 ноября пошла на Дон 1-я Донская, а 6 декабря – на Дальний Восток Уссурийская дивизия. На предложение одного из адъютантов (без ведома Петра Николаевича) к казакам 10-го полка – полка, воспитанного Красновым и водимого им к победам, – взять генерала в свой эшелон – последовал отказ, ибо «это было для них опасно».

Закончив ликвидацию корпуса, Петр Николаевич с последними его чинами и остатками имущества 16 января 1918 года погрузился на пятигорский поезд. После обычных приключений «революционной езды» с обысками, грабежами и прочими «проверками документов», Краснов с женой в конце января оказывается на Дону. В станице Богаевской его настигает страшная весть:

«– А вчера, слышно, Каледин застрелился!..

– Как застрелился? – говорю я.

– Так точно. Сегодня похоронили...

Я не могу больше говорить. Первый раз нервы изменяют мне. Я выхожу на улицу и долго мы ходим вдвоем с женой по узкой тропинке по берегу Дона».

А дальше... Добровольческая Армия ушла в свой легендарный Первый Кубанский поход, не подчинившиеся захватившим Дон большевикам казаки, всего полторы тысячи человек, ушли с генералом П. Х. Поповым в степи. Даже выстрел Атамана А. М. Каледина не смог пробудить совести Донцов: лишь испробовав на своей шкуре прелести большевизма, они поднимутся на борьбу весной 1918 года.

* * *

Восстание началось 21 марта в станице Суворовской. Казаки, до того бросавшие и продававшие свое вооружение вплоть до орудий, вынуждены теперь с вилами, косами и самодельными пиками выбивать красные отряды из родных станиц. Выступления разрознены и до общедонского подъема еще далеко. В апреле идет концентрация сил восставших, возвращается из Степного похода отряд Походного Атамана генерала Попова, возглавившего силы восставших: «степняки» составили «Северную группу» (войсковой старшина Э. Ф. Семилетов), сосредоточившиеся в станице Заплавской повстанцы – «Южную группу» (Генерального Штаба полковник С. В. Денисов), а восставшие казаки задонских станиц – «Задонскую группу».

23 апреля начинаются бои за войсковую столицу – Новочеркасск. На третий день Пасхальной недели 1918 года, 25 апреля, почти выбитые из города восставшие казаки, благодаря подошедшему отряду полковника М. Г. Дроздовского, шедшего походом с Румынского фронта на соединение с Добровольческой Армией, заняли войсковую столицу. Уже 29 апреля в Новочеркасске собирается Круг Спасения Дона. Прозванный «серым» и действительно оказавшийся народным по своему составу, этот Круг, в отличие от подавляющего большинства представительных органов, объединил людей дела. Здесь не было партий и практически не было интеллигенции. Были представители десяти освобожденных от большевиков станиц и депутаты от воинских частей, составлявшие большинство, всего – 130 человек.

Конная атака Лейб-гвардии Казачьего дивизиона под командой полковника Фарафонова 19 февраля 1919 года у хутора Мечетного

Взаимоотношения между «заплавцами» и «степняками» были довольно натянутые. За первыми был народный подъем и фактическое взятие Новочеркаска, за вторыми – авторитет первых начавших борьбу с большевиками. Подчинение всех сил восставших Походному Атаману давало «степнякам» некоторый перевес, но Временное Донское Правительство во главе с есаулом Г. П. Яновым было образовано в Заплавской. Вероятно, именно тогда командующий Южной группой генерал-майор С. В. Денисов (произведенный в этот чин сразу по взятии Новочеркаска) и решил привлечь своего бывшего начальника по 2-й Сводной казачьей дивизии, где он два года служил в должности начальника Штаба, – генерал-майора П. Н. Краснова.

Последние месяцы генерал Краснов проживал под немецкой фамилией в станице Константиновской, остро переживая произошедшее за минувший год с Доном, Россией, Армией и лично с ним. Петр Николаевич не мог забыть, как столь любимые им казаки его полка спокойно наблюдали, как арестовывают их начальника, как его Донцы под Петроградом едва не «выменяли» у матросов Ленина и Троцкого за Керенского и Краснова. Когда казаки Константиновской станицы собирались «задраться» с большевиками, в поисках вождя они явились к Краснову. Эти казаки комплектовали 9-й Донской казачий полк, «прекрасно» показавший себя в 1917 году, под его же, Краснова, началом. Не в силах забыть этого, генерал доходчиво заявил делегатам: «Я эту сволочь прекрасно знаю и никакого дела с ней иметь не хочу».

Но Кругу Спасения Дона для установления на территории Войска власти, которая должна была освободить Донскую Область от большевиков и органи-

зовать нормальную жизнь, требовалось «третье лицо», не связанное ни с «заплавцами», ни со «степняками». Дело дошло до того, что рассматривалась возможность подчинения вооруженных сил Дона Командующему Добровольческой Армией генералу А. И. Деникину; однако на этот пост все же требовался казак, а выбор Деникина к тому же неминуемо приводил бы к конфликту с немецкими войсками, которые, развивая наступление на Украине, вступили уже на войсковую территорию. Походный же Атаман, генерал Попов, вряд ли мог принять на себя реальное военное руководство из-за отсутствия боевого опыта: во время Первой мировой войны он был начальником Новочеркасского казачьего училища. Предложение С. В. Денисова оказалось как нельзя кстати: П. Н. Краснов был едва ли не старшим начальником из находившихся на Дону «казачьих» генералов, был довольно известен среди депутатов Круга и, что немаловажно, был «посторонним»: за ним не стояло реальной силы, ни одна из казачьих группировок не получала открытого преимущества. К тому же «петербургский казак» все-таки оставался «чужаком», и его головой в случае чего вполне можно было пожертвовать.

И Краснов, до самозабвения любивший казачество, особенно родных Донцов, открыто восхищавшийся ими, забыл недавнее прошлое... 2 мая 1918 года он прибыл в Новочеркасск, а на следующий день, по приглашению Круга, выступил перед ним. Два часа говорил Краснов о положении на Дону и в России. Круг слушал при гробовом молчании. Петр Николаевич напомнил о прошлом Дона, временах независимости Донского казачества «от Москвы», призвал «впредь до восстановления России стать самостоятельным Государством». На следующий день Круг единогласно постановил: «Впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой должен быть созван в ближайшее время и во всяком случае не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии Круга спасения Дона, вся полнота верховной власти в области принадлежит Кругу спасения Дона. На время прекращения работ Круга спасения Дона вся полнота власти по управлению области и ведению борьбы с большевизмом принадлежит избранному Войсковому Атаману». На вечернем заседании 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся на пост Донского Атамана был избран генерал-майор П. Н. Краснов.

* * *

Условием своего согласия на занятие этой должности Петр Николаевич поставил принятие Кругом предложенных им Основных Законов Всевеликого Войска Донского. Это был смелый и рискованный поступок: во взбудораженной революцией России, еще полной угара «свобод» Временного Правительства, Атаман предложил на утверждение разработанные лично им, без «гражданских консультантов», законы, во многом копирующие Основные Законы Российской Империи. Предложить что-либо равноценное по резкости статьям 24–26 не решилось ни одно Белое правительство. П. Н. Краснов стал единственным, кто четко декларировал отказ от «демо-большевицкого» наследия:

«24. Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях свода законов Российской Империи, за исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.

25. Все воинские части, как постоянной Армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской Империи до 25 февраля 1917 года.

26. *Все декреты и иные законы, разновремененно издававшиеся, как Временным Правительством, так и советом народных комиссаров, отменяются».*

П. Н. Краснов не только имел смелость ультимативно потребовать этого (к сожалению, ему вскоре пришлось восстановить действие некоторых законов Временного Правительства), но и сумел добиться согласия «донских парламентариев», хотя реальной силы в руках Атамана тогда никакой не было и никак повлиять на решение он не мог. «Вы – хозяева Земли Донской, я – ваш управляющий, – завершил Петр Николаевич свое выступление. – Все дело в доверии. Если вы мне доверяете – вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править войском не могу». Отвечая на вопрос одного из депутатов о возможных изменениях представленного «варианта», Атаман сказал: «Статьи 48, 49 и 50. О флаге, гербе и гимне⁴¹. Вы можете предложить мне другой флаг – кроме красного, любой герб, кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме интернационала». Ораторский прием сработал: Круг рассмеялся и принял законы.

«Все лежало в войске Донском в обломках и в запустении, – писал впоследствии Краснов о той огромной ноше, которую он взваливал на свои плечи, приняв атаманский пернач. – Самый Дворец атаманский был загажен большевиками так, что поселиться в нем сразу без ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены и из 252 станиц войска Донского только 10 были свободны от большевиков. Не только пушечная, но ружейная и пулеметная стрельба были слышны кругом Новочеркаска. Бои шли под Батайском и у Александро-Грушевского. Полиции ни городской, ни станичной, ни железнодорожной стражи не было. Грабежи и убийства были ежедневным обычным явлением. Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого Округа, станицы Каменская и Усть-Бело-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы подвигались к Новочеркаску и аванпосты баварской конницы стояли в 12-ти верстах к югу от Новочеркаска...»

Но все это были пустяки в сравнении с тем ужасным злом, которое сделали большевики в душах населения. Все понятия нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совесть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей и продажей, которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц и даже лиц интеллигентных. Большевистские комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновением и как бы узаконенным явлением...»

Перед Атаманом⁴² лежал целый ряд задач, разрешить которые он должен был во время страшной и упорной борьбы с большевиками. В голову всего Атаман поставил главную задачу, данную ему Кругом спасения Дона, – освобождение земли Донской от большевиков.

Для выполнения ее ему нужно было создать Армию, выяснить отношения немцев к Дону и войти в тесную связь с Украиной и Добровольческой Армией, чтобы привлечь их к совместной работе против большевиков».

5 мая участники Круга Спасения Дона разъехались, и Атаман П. Н. Краснов вступил в управление Войском. Первым делом надлежало узнать планы немцев, фактически уже находившихся на Донской территории. Было понятно, что вооруженный конфликт с ними не имеет ни малейшего смысла и к этому нет ни малейшей возможности. Точка зрения руководителей Добровольческой Армии, считавших продолжение войны с Германией и верность союзникам по Антанте краеугольными камнями своей политики, на Дону не могла работать. Немцы были не «где-то», а «тут», причем пришли едва ли не в качестве союзников: еще до установления Войсковой власти некоторые станицы сами пригласили германские войска и обратились к ним за помощью в ведении войны с большевиками; уже был ряд боев, где германские солдаты сражались плечом к плечу с донскими казаками против советских отрядов. Для продолжения войны с большевизмом требовалась армия, а никакой военной промышленности на Дону не было, и *единственным* вариантом военного снабжения, помимо трофеев, становилось получение вооружения со складов русского Юго-Западного фронта, которые находились под контролем Германии. Надежда на реальную помощь Антанты в обозримом будущем была химерой.

15 мая в станице Мечетинской произошло свидание Донского Атамана с командованием Добровольческой Армии. Генерал Деникин начал резко пенять Атаману, что добровольческий отряд полковника П. В. Глазенапа участвовал по диспозиции в совместной операции с германскими частями. Однако Батайск, на который наступали немцы на правом фланге, Донцы – в центре, а Добровольцы – на левом, был взят три дня назад, и изменить случившееся было уже нельзя. Взаимопонимания между вождями антибольшевицких сил не наблюдалось. С пребывавшим в обозе Добровольческой Армии Кубанским Атаманом полковником А. П. Филимоновым, не имевшим за собой не только ни одной сотни, но и ни одной пяди освобожденной от большевиков Кубанской земли, А. И. Деникину было, конечно, легче разговаривать. С П. Н. Красновым приходилось считаться, а просто брать под козырек он не собирался. Как вспоминал позднее Краснов, «Атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал Атамана на войне генерал Деникин, но представитель пятимиллионного свободного народа, и разговор должен вестись в несколько ином тоне». Слова о «пятимиллионном свободном народе» были, разумеется, некоторым преувеличением, понятным в беседе, которая велась, судя по всему, на повышенных тонах: Петр Николаевич был довольно резким и твердым человеком, Антон Иванович тоже далеко не всегда склонялся к компромиссу, и с самого начала взаимоотношения двух вождей «не сложились». Особого желания «войти в положение» оппонента оба не испытывали. Было слишком много того, чем каждый из двух генералов не считал возможным поступиться, а это перекрывало возможности полноценной совместной деятельности.

Генерал Деникин потребовал подчинения Донских частей Добровольческому командованию, по примеру Кубанцев. Но Добровольческая Армия собиралась идти освобождать Кубань, а Донцам было невозможно бросить Дон. Атаман Краснов предложил перенести военные действия Добровольцев под Царицын и тогда обещал автоматически подчинить Деникину войска прилежащих Донских округов. Взятие Царицына выводило Добровольческую Армию в «русские» губернии, на Волгу, давало возможность в будущем объединиться с Оренбургскими казаками и Чехо-Словацким корпусом.

Большевицкий плакат
«Казак, ты с кем?»

Уход же на Кубань продолжал удерживать армию Деникина и Алексеева фактически в положении краевой, региональной силы.

Предложение Донского Атамана было отвергнуто, с одной стороны, в силу недоверия: по мнению командования Добровольческой Армии, на ее плечи взваливалась заведомо непосильная задача, грозившая просто безрезультатной гибелью под Царицыном, к тому же пополнение в волжских степях было бы затруднено. С другой стороны, возможность на пути в Поволжье встретить немцев также побуждала отвергнуть этот план: веры Атаману, что иноземные войска не пойдут далее станицы Усть-Белокалитвенской без его разрешения, не было. С точки зрения Добровольческого командования, Краснов коварно старался уничтожить конкурентов, лишив пополнений и поставив между двух огней – немцами и большевиками. Но для отказа от переноса удара на Царицын была и вполне объективная причина: Кубанцы не пошли бы в обратную сторону от родной земли, а они составляли $\frac{2}{3}$ Армии. Деникин четко заявил: «Я обязан раньше освободить кубанцев, – это мой долг, и я его исполню». Дело не ограничивалось моральными обязательствами: Кубань начала подниматься против большевиков так же, как и Дон за месяц до этого; на Кубани Добровольческая Армия, пришедшая как освободительница, могла получить пополнения от казаков; туда легче было прорваться желающим драться с красными. Собственно Добровольческий «не-казачий» контингент был пока не в силах, из-за своей малочисленности, проводить самостоятельные боевые операции.

В результате было решено, что Добровольческая Армия отправляется освобождать Кубань, обеспечивая, таким образом, и южные границы Донской Области. Раненые Добровольцы и вербовочные бюро оставались в Ростове и Новочеркасске, на время боевых действий на Донской территории в подчинение Деникина передавался Донской отряд полковника Быкадорова (около 3500 человек при 8 орудиях, то есть равный трети Добровольческой Армии по состоянию на конец июня 1918 года). Дон обязывался снабдить армию Деникина вооружением и снаряжением (при этом Добровольческое командование предпочитало не акцентировать внимание на том, что оружие может быть получено только с русских складов, находящихся под контролем немцев), также оказать финансовую помощь. Но сначала Армии требовалось не менее месяца на переформирование и приведение себя в порядок.

* * *

Самым трагичным и, возможно, губительным в истории Белого движения всегда был вопрос межличностных отношений, ярко и контрастно проявившийся, в частности, на Юге в 1918 году. Добровольческое командование сразу стало от-

носиться к П. Н. Краснову с предубеждением. Генерал М. В. Алексеев писал лидеру конституционно-демократической партии П. Н. Милюкову еще 10 мая: «Личность Краснова сыграет отрицательную роль и в судьбах Дона и в наших, нас он просто продаст, как продал Керенского в октябре и ноябре 1917 года под Петроградом. Мы должны предусматривать это и принимать меры». Правда, кому Петр Николаевич «продал» Керенского – не ясно. Генерал же А. И. Деникин преспокойно причислял Атамана к группе «купленных или одураченных немецких прихвостней». Лишь усугубляло ситуацию то, что именно к этому «прихвостню» вынуждены были обращаться Добровольцы с просьбами о деньгах, вооружении и т. д.

«Вопрос об “ориентации”, – отмечал между тем эмигрантский военный историк, – сводился для Дона к факту оккупации трех западных его округов и возможности получать оружие и огнеприпасы из оккупированной австро-германцами Украины. В мае 1918 года немцы еще побеждали на всех фронтах. В этих условиях борьба Дона с немцами была равносильна прекращению его борьбы с большевиками.

Вопрос об “измене” или “верности” союзникам практически решался фактическим положением дел на Дону. Установление деловых отношений с немцами для Дона было реальной необходимостью. За первые полтора месяца Дон получил с Украины через немцев 11 600 винтовок, 88 пулеметов, 46 орудий, 109 тысяч артиллерийских снарядов и 11,5 миллионов ружейных патронов. 35 тысяч артиллерийских снарядов и около 3 миллионов ружейных патронов было при этом Доном уступлено Добровольческой Армии. В масштабах того времени это было серьезной поддержкой...

Вернувшись из [1-го] Кубанского Похода в Задонье, Добровольческая Армия располагала не более чем 750 тысячами – 1 миллионом ружейных патронов».

«Деловые отношения» с немцами, занимающими часть донской территории, удалось установить. С ними, естественно, приходилось считаться, но полной зависимости от них или необходимости плясать под их дудку удалось избежать. Заметим, что немцы действительно реально участвовали в боях с большевиками, а благодаря германской оккупации Украины (где, в отличие от Дона, Гетман П. П. Скоропадский фактически целиком зависел от германцев) Донская Армия могла не держать ни одного казака на фронте более 500 верст по западной границе Войска. Для «торговых сношений» были установлены «продовольственные» расценки на вооружение (трехлинейная винтовка с 30 патронами – пуд ржи или пшеницы, что было очень дешево), заказаны орудия, снаряды и аэропланы.

Проблемы «верности» или «измены» союзникам для любой антибольшевицкой силы на Юге России, в том числе и для Добровольческой Армии, фактически не существовало. Несмотря на более поздние указания М. В. Алексеева Центрам Добровольческой Армии о подготовке партизанской войны с немцами (!), вопрос решался крайне просто и даже грубо. Это показал Донской Атаман еще во время своего избрания. Осведомитель Добровольческой Армии докладывал своему командованию:

«На кругу после доклада генерала Богаевского о Добровольческой армии и ее жизни в последнее время, вызвавшего бурные овации, Краснов задал генералу Богаевскому вопрос об отношении Добровольческой армии к немцам. Видя старание Богаевского уклониться от прямого ответа, он поставил вопрос следующим образом: “Может ли Добровольческая армия вести войну с немцами?” На этот вопрос Богаевский сказал, что он ответить не может, не зная да-

же численности здесь немецких войск. На категоричное заявление о том, что немцев здесь три корпуса, генерал Богаевский ответил, что, по его мнению, Добровольческая армия при этих условиях вести войны с немцами не может».

В этом и заключалась «мораль всей басни»: несмотря на широко декларируемую верность союзникам по Антанте и критику «изменников общему делу», фактически Добровольцы были не в состоянии не только восстановить Восточный фронт, но и оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление германским войскам, как бы ни раздражали их немецкие каски на ростовских улицах.

В августе на Большом Войсковом Круге Краснову были брошены упреки в сношениях с немцами, причем естественным антиподом указывалась Добровольческая Армия, сохранившая неизменную верность союзникам и «чистоту риз». В ответ Петр Николаевич мог только воскликнуть:

«Да, да, господа! Добровольческая Армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской Атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой Армии! – Весь позор этого дела лежит на мне!»

И это была чистая правда: вплоть до конца 1918 года единственным, кроме Дона, «источником снабжения» Добровольческой Армии была... Армия Красная, но за боевые трофеи приходилось платить кровью.

Поворот Добровольческой Армии к Царицыну, как то предлагал Краснов на совещании 15 мая в Манычской, мог бы сильно повлиять на ход Гражданской войны. По мнению Добровольческого командования, Донской Атаман сознательно пытался бросить «конкурентов» на заранее проигрышное предприятие, чтобы избавиться от них и чуть ли не выслужиться перед немцами. Что же давало овладение Царицыном? Одна из точек зрения такова: «Удар по Царицыну, резавший все тылы северо-кавказской группы красных, предрешал ее дальнейшую судьбу. Уйти ей было некуда и держаться на северном Кавказе, без снабжения, стиснутой между Доном и Добровольческой Армией с севера и оккупированным германцами, турками и англичанами Закавказьем, она долго все равно не могла бы. Освобождение Кубани, при этом, достигалось само собою, как “побочный продукт” основной операции, удара по тылам северо-кавказской группы красных».

Но ничего этого не произошло. Благодаря повороту на Кубань (повторим: возможно, и оправданному в тот момент из-за преобладания в составе армии «кубанского» элемента), Добровольческая Армия вплоть до конца 1918 года оставалась *региональной* силой с *общегосударственными* задачами. Выхода в неказачьи области не получилось, соединение с появившимся на Волге новым антибольшевицким фронтом стало фактически нереальным.

* * *

Что касается «внутренней политики», то Петру Николаевичу удалось наладить нормальную мирную жизнь на территории Войска. Донская земля стала едва ли не самой «старорежимной» территорией бывшей Империи. Многие прибывавшие туда не только из Совдепии, но и с гетманской Украины отмечали порядок, царивший на донских станциях и в городах. Даже либеральная интеллигенция, всюю трудившаяся для краха Империи, не могла удержаться от умиления жандармом в полной форме, с красным аксельбантом, стоявшим, как и прежде, на железнодорожной станции. Бывший «сатрап» и «фараон» стал теперь символом спокойной и безопасной жизни.

Писатель, «петербургский казак» Петр Краснов, безусловно, идеализировал казачество, его прошлое и роль в исторических судьбах России, но, может

быть, именно такой человек и нужен был в это время на Дону? Трибун, но не пустобрех-оратор, а человек с яркими, зримыми свидетельствами личного героизма, с определенным авторитетом («царский, боевой генерал, георгиевский кавалер»), который мог напомнить казакам о прошлом, вложить им в головы мысль об их избранности. Из его уст казаки могли принять слова: «честь обязывает, казачья слава повелевает». Краснов пытался заново привить казакам понятие об их исключительной роли для России, определяющем значении в ее истории:

«Россия ждет своих казаков, – говорил Донской Атаман. – Близится великий час. Наступает славное время... Помните дедов своих под Москвой и Великий Земский Собор в 1613 году. Кто вслед за Галицким дворянином подошел к столу, где сидел князь Пожарский, и положил записку [в пользу избрания на царство Михаила Федоровича Романова]? То был Донской Атаман».

Вместе с этим П. Н. Краснов определенно высказывался за автономию (но не отделение от России!) Дона. Он призывал казаков стать в авангарде тех, кто пойдет освобождать Москву от новых изменников, утверждая, что в этом их историческая миссия. Но после этого, согласно красновской политике, казаки должны отойти в сторону и не вмешиваться во внутренние дела «Русского государства», предоставляя ему самому решать вопросы о форме власти и т. д. Предполагалось возвращение к ситуации XVI–XVII веков: «Здравствуй, Царь, в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону».

«Отсутствие общеимперской власти, свергнутой революцией, – мотивировалась позднее необходимость обращения к «седой старине», – ощущалось окраинами гораздо сильнее, чем это представлялось многим в контрреволюционном лагере в 1918 году. Идея свободного волеизъявления русского народа гораздо слабее выражала единство окраин и центра, чем исторические символы, отражавшие единство Руси, возродившейся из великой смуты XVII века.

Резко порывая с революцией, ген[ерал] Краснов этим совершенно не рвал с Россией, но избранный им путь вел от освободившихся окраин к центру. Воссоздание же окраин требовало для их собственного укрепления их местного патриотизма. Замена его общеимперским патриотизмом требовала общепризнанного авторитета, а в разлуке 1918 года он был потерян. Его нужно было найти».

Усилия Петра Николаевича и его сотрудников не пропали даром. В Донском Войске начался сильный всплеск местного патриотизма, что всегда бывает в молодых государственных образованиях. Местный патриотизм пробудил казачество, подвиг его к государственному строительству и активной работе. Для офицера же Добровольческой Армии все это было странно и непонятно: для него была Донская Область, были казаки – четвертые полки кавалерийских дивизий и штабная конница... и все. Добровольческий офицер не мог, хотя бы в силу своего образования, всерьез воспринимать разговоры о «пятимиллионном народе», Донской гимн был для него просто хорошей казачьей песней, а Донской флаг символизировал «отпадение» от России, – «Великой, Единой и Неделимой», за которую умирали Добровольцы с бело-сине-красными ленточками на рукавах. Для культурных слоев русского общества были непонятны донские заигрывания, в то время как, воспользовавшись пробуждением «местного», в данном случае донского, патриотизма, можно было вести борьбу с большевизмом. «Великая, Единая и Неделимая Россия» же не говорила народным массам ничего. Общегосударственный патриотизм развит не был. Можно было *доброволично* драться против большевицких грабежей и разбоев в *своем* селе, *своей* волюсти, в *своей* губернии, наконец, но дальше – «не наше дело».

Среди важных вопросов, которые вынужден был решать Донской Атаман, была и проблема территориальных границ Всевеликого Войска Донского.

Еще в день вступления в управление Войском Краснов отправил собственноручные письма Гетману Скоропадскому и германскому Императору Вильгельму II. Последнее сообщало о ситуации на Дону и уведомляло, что Войско не находится в состоянии войны с Германией. Также была высказана просьба о приостановке дальнейшего продвижения германских войск на донскую территорию, о признании, *впредь до освобождения России от большевиков*, Войска Донского самостоятельной республикой, о помощи оружием, взамен чего предлагалось установить правильные торговые взаимоотношения через Украину. В письме Гетману поднимался вопрос о границах между двумя государственными образованиями, причем указывалось на безосновательность претензий Украины на Таганрогский округ, весьма важный для войска, так как на его территории было сосредоточено более 80% полезных ископаемых и промышленных предприятий края.

Уже вечером 8 мая к Атаману прибыла немецкая делегация из Ростова с сообщением, что германские войска не преследуют никаких завоевательных целей, а Таганрогский округ и Ростов были заняты исключительно по сообщению украинцев о принадлежности им этих территорий (это была сущая правда, в кабинете Гетмана висела карта, где территория «Украины» простиралась до Кубани), а ряд станиц Донецкого округа занят по просьбам их казаков, что также соответствовало действительности. Делегаты уведомили о временности пребывания германских войск на донской территории и заверили, что они немедленно оставят ее после восстановления порядка. Тогда же было решено, что германские части в глубь Области продвигаться больше не будут, а появление немецких офицеров и солдат в Новочеркасске возможно только по особому разрешению Атамана в каждом конкретном случае. После налаживания отношений с немцами надо было добиться отказа Украины от территориальных претензий на земли Всевеликого Войска Донского и международного признания.

Петр Николаевич стремился играть на германских страхах восстановления Восточного фронта. В середине июня на Дону появились слухи, что Чехословацкий корпус занимает Астрахань, Саратов и Царицын и, соединившись с Добровольцами, вот-вот образует Восточный фронт. Несмотря на всю нелепость подобных слухов, германцы им поверили и не на шутку забеспокоились. Они потребовали от Атамана высказать четкую позицию: как поведет себя Дон в случае возникновения по Волге Восточного фронта.

Понятно, что в случае намерения присоединиться к чехословакам, а следовательно, вооруженного выступления против Германии, Дон в лучшем случае лишался германской помощи, в худшем – был бы просто раздавлен оккупантами. Ответом было второе письмо П. Н. Краснова германскому Императору. Атаман заявил на эти опасения, что Дон не допустит столкновений на своей территории и будет держать полный нейтралитет. В обмен на успокоение немцев Краснову удалось добиться признания войсковых границ со стороны Украины, и донские власти вошли в Таганрогский округ, германские войска покинули донскую территорию (за исключением Ростова и Таганрога, где Атаман считал необходимым их присутствие вплоть до окончания формирования «Постоянной Армии»), а Войско получило товары, в которых ранее было отказано, в том числе тяжелые орудия. К августу территория Войска был очищена от большевиков и донские части вступили в Воронежскую и Саратовскую губернии.

Но в этом «втором письме Императору Вильгельму», по мнению многих, Краснов переступил допустимые границы: он просил германского монарха о поддержке в занятии Воронежа, Царицына и других стратегически важных для обороны войска пунктов (красный Царицын фланкировал не только любое продвижение на север, то есть к Москве, со стороны Дона, но и постоянно угрожал верхне-донским округам). Петр Николаевич говорил в этом письме от имени «Донско-Кавказского союза», якобы объединявшего Донское, Кубанское и Терское Казачьи Войска, горцев Кавказа и даже Грузию. В действительности же подобного объединения не существовало даже на бумаге. Велись только весьма неопределенные переговоры, а часть «союзной» территории вообще находилась в руках большевиков.

* * *

Борьба шла при более чем холодном отношении к ней Донских промышленных, торговых и банковских кругов. Как и в других областях России, «Минины XX века» не особенно стремились поддержать борьбу с большевиками. Красноречивый пример: на ростовских капиталистов большевиками была наложена контрибуция в 4 200 000 рублей. Средства были собраны, но получить их красные не успели. А когда Временное Донское Правительство обратилось с просьбой о *займе*, хотя бы в *половину* суммы, собранной для большевиков, — последовал отказ.

Первоочередной задачей, стоявшей перед Доном, была, безусловно, организация армии. Хотя весной был налицо народный подъем, но было и ясно, что на партизанщине далеко не уедешь. Постепенно ополчение переформировывалось в регулярные части, полки объединялись в бригады и дивизии. Если к 14 мая на фронте находилось 17 тысяч казаков при 21 орудии и 58 пулеметах, то к 14 июля — уже 49 тысяч при 92 орудиях и 272 пулеметах. В августе было мобилизовано 25 возрастов, Донская Армия состояла из 27 000 пехоты и 30 000 конницы при 175 орудиях, 610 пулеметах, 20 аэропланах и 4 бронепоездах.

В августе же подходило к концу формирование так называемой «Молодой» или «Постоянной Армии», которое началось сразу после избрания П. Н. Краснова из молодых казаков 19–20 лет. Это было любимое детище Атамана. С одной стороны, молодые казаки в отличие от своих отцов и старших братьев не обладали боевым опытом, но, с другой стороны — они не устали от войны, не знали комитетов и комиссаров, не имели общения с большевицкой пропагандой. Атаман сразу взял курс на создание из них вооруженной силы целиком и полностью по образцу и подобию Российской Императорской Армии 1914 года. Пополнения были собраны в трех военных лагерях под Новочеркасском, и из них началось формирование двух пеших бригад, трех конных дивизий, легкой и тяжелой артиллерии, саперного батальона и химического взвода. В отличие от Донской мобилизованной Армии, представлявшей собой фактически станичные ополчения, которые лишь принимали военную организацию, но снабжались в основном «за свой счет», Донская постоянная Армия организовывалась на регулярной основе, отличаясь даже от казачьих полков Российской Империи. Части получали казенное обмундирование и снаряжение, казенных лошадей, были штатной, 1914 года, численности, включая обозы, муштровались по старым русским уставам.

Впервые Атаман показал свое детище при открытии Большого Войскового Круга. 16 августа части Молодой Армии прошли парадом на Соборной площа-

*Белогвардейский плакат
«Так хозяйничают
большевики
в казачьих станицах»*

ТАК ХОЗЯЙНИЧАЮТ БОЛЬШЕВИКИ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ

ди Новочеркаска, 26-го Армия была представлена Кругу в Персияновском лагере: 7 батальонов, 33 спешенных сотни, 6 батарей без запряжек (не все еще успели получить коней), 16 конных сотен, мортирная батарея и 5 аэропланов. Председатель Круга В. А. Харламов, отнюдь не большой поклонник Краснова, не сдержал своего восхищения и закончил свою речь словами: «В честь Донской Армии и ее вождей – дружное могучее ура! Объявляю Донской Армии постановление Большого Войскового Круга о производстве Донского Атамана генерал-майора Краснова в чин генерала-от-кавалерии». Таким образом, П. Н. Краснов «проскочил» чин генерал-лейтенанта. Дабы показать, что молодые казаки умеют не только маршировать, 3-й стрелковый полк (из крестьян Донской Области) и сотня 1-го Донского казачьего полка произвели тактическое учение. А менее чем через неделю произошло и первое боевое крещение частей еще не окончившей формирования Молодой Армии: вызванные на фронт полки Пластунской бригады и 2-й Донской конной дивизии отбросили красных.

Для пополнения потерь в офицерах действовали Донской Императора Александра III кадетский корпус на 622 воспитанника и Новочеркасское казачье военное училище с отделениями: пластунским, кавалерийским, артиллерийским и инженерным. Для усовершенствования знаний были открыты: Донская Офицерская Школа (с теми же отделениями, что и в училище), авиационная школа и военно-фельдшерские курсы.

Атаман формировал Молодую Армию с дальним прицелом: было ясно, что Донское ополчение далеко за границу Войска не пойдет. «Пограничная болезнь» казачества попортила немало крови Белым вождям. Молодая же Армия, хорошо организованная и специально воспитанная для похода за освобождение России, а не только Дона, спокойно бы перевалила Донские границы, и делалось все, чтобы перевалила она их успешно. Краснов утверждал, что «все казаки на Москву ни за что не пойдут, а эти тридцать тысяч, а за ними столько же охотников наверно пойдут»⁴³. Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить пойти, и потому делал все возможное, чтобы пошли сами». О серьезности «общероссийских» намерений Атамана говорит уже то, что приказом Всевеликому Войску Донскому 4 сентября 1918 года восстанавливались Гвардейские казачьи части: 1-й Донской казачий полк Молодой Армии переименовывался Лейб-Гвардии в Казачий полк, 2-й Донской – Лейб-Гвардии в Атаманский, 6-я Донская казачья бата-

рея – Лейб-Гвардии в 6-ю Донскую батарею. Этим же приказом и другие полки Постоянной Армии получали наименования старых Донских полков Императорской Армии, им передавались Георгиевские знамена и серебряные трубы, полковые истории, праздники, марши и знаки отличия. Это не было пустой формальностью: соответствующие Гвардейские полки формировались старыми офицерами этих полков. Укомплектованный донскими крестьянами 4-й Донской стрелковый полк, в котором собрались офицеры Лейб-Гвардии Финляндского полка, был переименован в Финляндский.

К середине июля 1918 года практически вся территория Войска была очищена от большевиков и казачьи отряды стали выдвигаться за пределы Области. Это было не так-то легко: если сломить местный («окружной») патриотизм, преобразовав его в Войсковой, оказалось по силам, то объяснить казачьему ополчению, зачем «освободить всю Россию», было гораздо сложнее. Тем не менее Атаману удалось «протащить» через Большой Войсковой Круг решение, объявленное приказом по Войску: «Для наилучшего обеспечения наших границ, Донская армия должна выдвинуться за пределы области, заняв город Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний». Однако особого энтузиазма в этом наступлении казаки не проявляли. Повторялась история предыдущих лет: например, в 1917 году казачьи полки отказывались идти «на усмирение», если с ними не будет пехоты; так и сейчас, отправляться освобождать Россию без соседства «русских» полков казаки отказывались.

Атаману пришлось озаботиться созданием какой-нибудь «русской армии» на северных границах Области. Началась авантюра с Южной Армией. Сначала не могли найти для нее командующего – несколько человек отказалось, пока, наконец, не уговорили престарелого генерала Н. И. Иванова, в 1914–1915 годах – Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Армию должны были составить три корпуса: Воронежский, Астраханский и Саратовский. Но... «Воронежцы» оказались малобоеспособны, Астраханский корпус, сформированный одним из ярких представителей плеяды авантюристов Гражданской войны – «Астраханским Атаманом» князем Д. Д. Тундутовым, был организован крайне слабо, но неплохо дрался в Маньчжских степях против «бродячих шаек» красных, и лишь Саратовский «корпус», сформированный из крестьян этой губернии, бежавших от большевиков, отлично бился с большевиками на Царицынском, Камышинском и Балашовском направлениях, хотя по численности и структуре так и не смог превзойти бригады.

Идея Атамана о формировании неказачьей армии была вполне верной и обоснованной. Задача Дона была – дать возможность organizоваться общерусской армии, способной к решению общерусских задач, и он ее самоотверженно выполнил. Однако, отмечал современник, «без согласия с ген[ералом] Деникиным и даже вопреки ему формирование общерусской армии было не под силу ген[ералу] Краснову и было заранее обречено на неуспех. И это тем более, что в связи с начавшимся с осени 1918 года поражением Германии авторитет Добровольческой Армии, верной союзникам, непрерывно рос, а авторитет Донского Атамана, “связанного” с немцами, непрерывно падал».

* * *

Тем временем осложнялась и обстановка на фронте: к концу 1918 года Красная Армия готовилась к решительному удару по Донцам, а поражение Германии в Великой войне и последовавшее вслед за этим разложение ар-

мии с выводом немецких частей с Украины обнажало весь левый фланг Донской Области. В декабре 1918 года советские войска нависли над единственной стратегической железной дорогой, угрожая прервать снабжение всей Донской Армии. Как говорилось в «Кратком обзоре борьбы Дона с советской властью», составленном в Штабе Армии для членов Большого Войскового Круга, собранного в феврале 1919 года, «чтобы прикрыть область с запада, пришлось почти целиком израсходовать наш последний резерв – войска постоянной армии, войска, на которые возлагались большие надежды, так как они являются наиболее крепкими и предназначались для парирования ударов противника в критический момент и для нанесения ему с нашей стороны решительных последовательных ударов и главным образом на севере».

Противнику удалось перехватить стратегическую инициативу: Донцы вынуждены были лишь отбиваться при большом численном перевесе неприятеля. Резервы исчерпаны, новый – западный – фронт выводит красные части на кратчайшее направление, войска на севере области истощены физически и морально, разворачивается усиленная агитация. Прекрасные пропагандисты и агитаторы, большевики добиваются результатов: к концу декабря белыми очищаются занятые ранее районы Воронежской губернии, а три казачьих полка бросают фронт и расходятся по станицам. Верхне-донцы оголили тыл продолжающих драться частей Хоперского округа, а 1 января 1919 года заняли станицу Вешенскую, где располагался Штаб Северного фронта, чем уничтожили возможность управления войсками. Перенос Штаба в Каргинскую не смог исправить положения, и к концу января Донские войска оставили северные округа Войска. Тогда же красным удалось отбросить казаков от Царицына. Все части Постоянной Армии были втянуты в тяжелые бои по западной границе Области.

26 декабря 1918 года на станции Торговой был решен вопрос об общем командовании, которое принял на себя генерал А. И. Деникин, ставший Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России. Этот шаг подводил Всевеликое Войско к концу его автономного существования, а П. Н. Краснова – к отказу от атаманского пернач⁴⁴. По горькому замечанию современника, «об единении, увы, русская контрреволюция обычно думала лишь тогда, когда все старания обойтись без него приводили к катастрофе...»

Главная надежда у начавшей разлагаться Донской Армии была на союзников по Антанте и Добровольцев. Требовалась поддержка, в первую очередь – моральная, хотя бы пара батальонов, которые показали бы, что Донцы не одиноки в борьбе, что вместе с горсткой Добровольцев и Кубанцев готовы прийти на помощь и союзники, не забывшие кровь, пролитую Российской Император-

ской Армией в Восточной Пруссии и Галиции, в Польше и на Карпатах. Однако, пользуясь тяжелым положением и не оказав фактически еще никакой помощи, «союзники» стали ставить беспрецедентные условия, предложив Краснову подписать «обязательства», которых не требовали даже враги-немцы:

«...Как высшую над собою власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франше д'Эсперрэ.

...С сего времени все распоряжения, отдаваемые войску, будут делаться с ведома капитана Фукаэ.

...Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе "Донец" и где бы они ни находились, и происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-ти процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула...»

Естественно, Атаман не мог согласиться на подобный ультиматум. Условия его были сообщены генералу А. И. Деникину, и Главнокомандующий ВСЮР, крайне негативно относившийся к П. Н. Краснову, на этот раз был на его стороне. Ответ из Екатеринодара пришел немедленно: «Главнокомандующий получил Ваше письмо и приложенные документы, возмущен сделанными Вам предложениями, которые произведены без ведома Главнокомандующего, и вполне одобряет Ваше отношение к предложениям».

1 февраля открылось заседание очередной сессии Большого Войскового Круга. «Козлом отпущения» депутаты избрали командование Донской Армии – генерала С. В. Денисова и начальника Штаба генерала И. А. Полякова, которых требовали сместить с их должностей. Атаман твердо заявил, что со старшими воинскими начальниками непременно уйдет и он. Несмотря на возможность остаться на своем посту (избран он был на три года, и Круг отставки пока не требовал), П. Н. Краснов неразрывно связал свою судьбу с судьбой своих ближайших помощников.

Вечером 6 февраля уже бывший Атаман покинул Новочеркасск. В Ростове Петра Николаевича ожидал почетный караул Лейб-Гвардии от Казачьего полка. Это была частная инициатива, весь полк, собравшийся на дворе станции, прощался с Атаманом. Генерал И. Н. Оприц запечатлел в полковой истории слова Краснова:

«Я глубоко тронут вашим вниманием ко мне, дорогие лейб-казаки... Я уже больше не Атаман вам, не имею права на почетный караул. Я смотрю на ваш приход сюда со святым штандартом, как на высокую честь и внимание. Вы мне дороги, ибо я связан с вами долгими узами, и узами кровными: мои предки служили в ваших рядах; в течение двадцати лет моей службы в лейб-гвардии Атаманском полку я был в рядах одной бригады и сколько раз я стоял со своим Атаманским штандартом подле вашего штандарта...

Служите же Всевеликому войску Донскому и России, как служили до сего времени, как служили всегда ваши отцы и деды, как подобает служить первому полку Донского войска, доблестным лейб-гвардии казакам.

Благодарю вас за вашу верную и доблестную службу в мое атаманство на Дону...»

П.Н. Краснов

...Отсалютовав сотне, стоявшей на перроне, генерал Краснов подошел к штандарту, преклонил колено и поцеловал полотнище».

Казалось бы, – все, можно умыть руки, но не такой человек был Петр Николаевич. Проведя весну и начало лета 1919 года в Батумской области (где он и супруга переболели черной оспой), в июле Краснов по ходатайству генерала Н. Н. Баратова командирован Главкомандующим генералом А. И. Деникиным «в распоряжение командующего Северо-Западной армией генерал-от-инфантерии Юденича». 22 сентября 1919 года П. Н. Краснов зачислен в ряды Северо-Западной Армии, ему поручается возглавить пропагандистскую работу. Ближайший его сотрудник в это время – поручик А. И. Куприн, известный писатель, редактирующий армейскую газету «Приневский Край», одним из ведущих авторов которой стал Петр Николаевич.

После поражения Северо-Западной Армии и ее интернирования в Эстонии, П. Н. Краснов является членом ликвидационной комиссии, участвует в переговорах с эстонцами, стараясь по мере сил обеспечить существование русских воинов, до последней возможности дравшихся с большевиками. В конце марта 1920 года по настоянию эстонских властей Петр Николаевич покидает Ревель.

* * *

Оказавшись в эмиграции, П. Н. Краснов не прекратил своей борьбы с захватившим Родину большевизмом. Более двух десятилетий эмигрантского бытия Петр Николаевич провел в Германии и Франции, принимая живейшее

участие в работе русских воинских организаций, активно сотрудничая в военных изданиях, создав для Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Н. Н. Головина (эмигрантский аналог Николаевской Военной Академии) пособие по военной психологии – науке, только начинавшейся в 1920-е годы. Вместе с тем П. Н. Краснов входит в руководство Братства Русской Правды – организации, продолжающей борьбу против большевизма с оружием в руках. «Братья» активно действовали в приграничных районах СССР, главным образом в Белоруссии и на Дальнем Востоке. Они вели активную партизанскую борьбу, организовывали террористические акты, направленные в первую очередь против сотрудников ОГПУ.

Оказавшись в эмиграции, П. Н. Краснов с немалым, на наш взгляд, облегчением отходит от необходимости скрывать свои убеждения. Он – яростный противник большевизма, но помимо этого он – убежденный монархист. По свидетельству современников, не раз от Петра Николаевича можно было слышать произносимое с особой гордостью: «Я – Царский генерал». Бывший Атаман активно участвует в монархическом движении – входит в Верховный Монархический Совет, сотрудничает в «органе монархической мысли» – журнале «Двуглавый Орел».

Своим искусным пером Петр Николаевич активно борется с большевизмом. Его художественные произведения переводятся на семнадцать (!) иностранных языков. Краснов поистине становится одним из самых популярных писателей Российского Зарубежья, имя которого известно не только русским изгнанникам, но и европейскому читателю. Романы и повести Петра Николаевича повествуют о столь дорогом ему русском прошлом, в первую очередь они посвящены Российской Императорской Армии, в рядах которой служит подавляющее большинство его героев. На страницах красновских произведений чередуются захолустный Джаркент и Санкт-Петербург, трущобы заамурских стоянок и «местечки» Царства Польского. Наравне с художественной и исторической прозой, изрядное внимание Петр Николаевич уделяет и фантастике, и, как и все в жизни Петра Краснова, его фантастические произведения проникнуты любовью к России: его фантастика – это мечты о новой России, избавившейся от большевицкого гнета, вновь обратившейся к Православной вере и духовному единению, изгнавшей партийные склоки и прочую политическую грязь, которыми была так богата Европа межвоенного периода.

Непримиримый борец с большевиками и большевизмом, Краснов наивно мечтает, что осталось еще у советских красных командиров, там, «за чертополохом», что-то светлое, русское, что, возможно, сядут за одним столом, во главе с Великим Князем Николаем Николаевичем, Деникин и Вацетис, Кутепов и Буденный, Врангель и Тухачевский, и будут вместе работать ради России, а не III Интернационала. К сожалению, жизнь доказала всю необоснованность подобных мечтаний...

Крупнейшим литературным произведением Петра Николаевича является роман «От Двуглавого Орла к красному знамени». Работать над ним бывший Донской Атаман начал еще в России, а закончил в Германии. Изложение охватывает последние десятилетия существования Российской Империи и кровавые годы Гражданской войны. По масштабности «От Двуглавого Орла...» не раз сравнивали с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, «Тихий Дон» также воспринимался как своеобразный советский ответ на творчество П. Н. Краснова. Конечно, у Петра Николаевича есть довольно большие литературные огрехи, например, поверхностны характеры тех, кто в свое

Командующий Донской Армией генерал В.И. Сидорин (1) и начальник Штаба Армии генерал А.К. Келчевский (2) с чинами Штаба, 1919 год

время расшатывал Империю – представителей интеллигенции и революционного движения, но там, где Краснов касается близкой и родной ему армейской тематики, его изложение просто бесподобно, а по четкости и достоверности вполне может восприниматься в качестве источника по истории Российской Армии последнего периода ее существования. В описании парадов и батальных сцен Петр Николаевич, пожалуй, даже превосходит Льва Николаевича.

Сам же генерал довольно скромно относится к своему таланту. В одном из писем он говорит:

«Я казачий, кавалерийский офицер, и только. Я не только не генерал от литературы, но не почитаю себя в ранге офицеров. Так, бойкий ефрейтор, который, когда на походе устанет и занудится рота, выскочит вперед и веселой песней ободрит всю роту. Я тот ефрейтор, который ходит в ночные поиски, ладно строит окопы, всегда бодр и весел и не теряется ни под сильным огнем, ни в атаке. Он, несомненно, нужен роте, но гибель его проходит незаметно, ибо таких, как он, много, – так и я в литературе, один из очень многих...»

Благодаря своему литературному таланту, Краснов часто привлекается многими периодическими изданиями Зарубежья в качестве литературного обозревателя, особенно когда дело касается военной тематики (можно вспомнить многочисленные рецензии Петра Николаевича в издании Союза русских военных инвалидов – газете «Русский Инвалид», в том числе и на повесть своего бывшего сотрудника по Северо-Западной Армии А.И. Куприна «Юнкера»). С большим интересом читаются и воспоминания генерала о различных периодах его жизни: юнкерских годах («Павлоны»), обучении в Николаевской Академии Генерального Штаба («Старая Академия»), командовании 10-м Донским казачьим полком («Накануне войны») и др. Один из близко знавших П. Н. Краснова людей свидетельствует о том отклике, который находили у читателя произведения генерала:

«...Я знаю много русской молодежи, которая буквально зачитывается романами и воспоминаниями Краснова. В них она научается любить старую Россию и через нее и будущую Россию. Я лично видел, как английский перевод “От Двуглавого Орла к красному знамени” увлекал американскую молодежь

*Новочеркасск, февраль 1919 года. Слева направо:
А.П. Богаевский, А.И. Деникин, П.Н. Краснов, И.П. Романовский*

з Калифорнии; она познала правду о России, оклеветанной темными силами революции.

Описания Красновым быта и боевой жизни Русской Армии и, в особенности, казачьей – это перлы русской литературы, и за одни только эти страницы П. Н. Краснов будет причислен потомством к сонму русских классиков, так же точно, как в летописях Русской Армии он будет почитаться одним из ее героев-военачальников».

Петр Николаевич Краснов немало трудится над подготовкой будущей Российской Армии, которая должна была бы создаваться в новой, освобожденной от большевиков России. Во многом пример Атамана уникален: талантливый писатель и блестящий военный публицист, он разработал и свою систему воспитания офицера и солдата, отстаивал ее и проводил в жизнь, более того, ему удавалось видеть результаты своего труда. Редкое для России сочетание. Краснову как немногим удалось совместить в себе «кабинетность» и «строй», о чем ярко свидетельствуют сотни статей, вышедших из-под его пера, и высшие воинские отличия – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевское Оружие.

Один из выдающихся русских военных мыслителей генерал Н. Н. Головин так отзывался о своем сотрудничестве с Петром Николаевичем:

«Я его должник, ибо когда я обратился к нему с просьбой прочесть на учрежденных мною Военно-Научных Курсах несколько лекций по военной психологии, генерал Краснов ответил мне горячей готовностью внести свою лепту в трудное дело воссоздания Русской Военной Науки.

Я обратился с такой просьбой к генералу Краснову, потому что я знал, что он, будучи Атаманом Войска Донского в 1918 году, не только ввел в про-

грамму преподавания Новочеркасского Военного Училища курс Военной Психологии, но и сам приезжал в Училище читать этот курс.

Бесспорно, что это нововведение, сделанное Атаманом Красновым, представляет собою факт громаднейшего значения в истории Русской Военной Школы. Мне хотелось поэтому связать чтение лекций по Военной Психологии на Военно-Научных Курсах с этим первым шагом и с именем того, кому принадлежит честь этого шага».

* * *

С нападением нацистской Германии на СССР перед русской эмиграцией встал вопрос: на чью сторону стать. Объявленное «крестовым походом против большевизма», гитлеровское нашествие воспринимается тогда многими, в том числе и престарелым генералом П. Н. Красновым, как реальная возможность сбросить коммунистический режим. *Первая реальная* возможность за двадцать лет.

В порабощение России Германией абсолютное большинство из тех русских («несоветских»), кто принял оружие из немецких рук, не верил. Слишком велики размеры, просто физически невозможно контролировать такую территорию, слишком бредовые идеи порой срывались с уст «вождя III Рейха». Появился *единственный* шанс уничтожить большевизм – и, по мнению многих, им нужно было воспользоваться.

Казачество было одним из наиболее пострадавших от Советской власти слоев общества и, пожалуй, самым непримиримым. Большевицкие эксперименты находили «живейший отклик» в виде восстаний. И с этим ничего не могли поделать ни расстрелы, ни аресты, ни сожженные дотла, снесенные артиллерийским огнем или вымершие от голода станицы. В силу этого, а также из-за особенностей казачьей психологии и быта должна была, казалось, оправдаться надежда П. Н. Краснова, писавшего:

«И верю я, что, когда начнется рассеиваться уже не утренний туман, но туман исторический, туман международный, когда прояснеют мозги задуренных ложью народов, и Русский народ пойдет в “последний и решительный” бой с третьим интернационалом и будет та нерешительность, когда идут первые цепи туманным утром в неизвестность, – верю я – увидят Русские полки за редющей завесой исторического тумана родные и дорогие тени легких казачьих коней, всадников, будто парящих над конскими спинами, подавших вперед, и узнает Русский народ с величайшим ликованием, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжелый долг передовой службы, – чтобы, как всегда, как в старину, одиннадцатую крупными жемчужинами казачьих войск и тремя ядрышками бурмицкого зерна городовых полков вновь заблестать в дивной короне Имперской России».

Первые казачьи подразделения были созданы в составе Вермахта еще летом 1941 года, с выходом же немецких войск в «казачьи районы» Дона и Кубани стали появляться многочисленные местные формирования: сотни и полки. В сентябре 1942 года в Новочеркасске собрался казачий сход, избравший Штаб Войска Донского, во главе которого стал полковник С. В. Павлов. Казалось, казачество воскресает...

На протяжении первых лет войны П. Н. Краснов с сожалением констатировал, что на эмиграцию с ее богатым потенциалом не обращается ровно никакого внимания. По его твердому убеждению, *фактически* ситуация реша-

Генерал П.Н. Краснов

лась на фронте, в казачьих областях. В письме Атаману «Общеказачьего объединения в Германской Империи» генералу Е. И. Балабину от 11 июля 1941 года П. Н. Краснов писал о своих взглядах на возможности окончания войны и возрождения России:

«1) В СССР поднимается восстание против большевиков. Сталин и К°, все коммунисты, частью удержат, частью будут уничтожены, образуется там, в России, правительство, подобное Петэн – Лаваль – адмирал Дарлан, которое вступит в мирные переговоры с немцами, и война на востоке Европы замрет.

2) Немцы оттеснят большевиков примерно до Волги и укрепятся. Будут оккупированная немцами часть России и большевистская Россия – война затянется, и

3) Среднее – немцы оккупируют часть России, примерно до Волги, а в остальной части создается какое-то иное правительство, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия».

Ни в одном из указанных вариантов Краснов не видит места для решающего участия эмиграции. Войну с СССР ведут немцы, и никакого желания близко подпускать эмиграцию к этому делу они не испытывают. Петр Николаевич видел в этом следствие германской осмотрительности, нежелание связываться с разобщенной и далеко не однородной эмигрантской средой, большая часть которой к тому же не испытывала особой симпатии к правящему режиму III Рейха, придерживаясь прежней «союзнической» ориентации или небезосновательно трактуя «крестовый поход против большевизма» как очередную попытку немцев решить проблему «жизненного пространства» за счет восточных земель. Но старый генерал все-таки верил в искреннее желание национальной (но не нацистской!) Германии помочь России в освобождении от большевизма и сожалел, что в силу своего возраста не имеет возможности принять в этой борьбе активного участия. 12 декабря 1942 года он писал Балабину:

«Вы понимаете, что при таких обстоятельствах мне в 73 года просто смешно было бы куда-то соваться, кого-то возглавлять и путаться в дела, которые хорошо ли, худо ли, но уже идут...

Все эмигрантские дразги и интриги теперь отступают перед тем громадным, что делается на фронте. Только через фронт, через борьбу, через жертву может быть получен доступ и место там, где была наша Родина и где строится что-то новое и удивительное, но не плохое».

Эти строки писались, когда южное крыло германского Восточного фронта уже начало разваливаться под ударами Красной Армии и близок был момент оставления Терека, Кубани и Дона. А еще недавно казалось, что жизнь там возрождается... С большим воодушевлением были проведены Войсковые праздники, после более чем двадцатилетнего перерыва восстанавливались стани-

цы и в первую очередь храмы в них, выбирались станичные и окружные атаманы, вновь казаки садились в седло, как, казалось, весной 1918-го... Как хотелось верить, что «казаки показали всему миру, что они ничего не имеют общего с коммунистами, что они, как и в 1918-м году, готовы встать за край родной...»

Но вместе с тем «грызло» П. Н. Краснова тяжелое чувство:

«Это очень красиво и благородно, быть националистом, мечтать о “единой и неделимой”, быть, еще более того, монархистом, но для сегодняшнего дня такая политика – зараза казачьего дела. Теперь такое время, что и казаки-самостийники не подходят. Идет жестокая борьба за право Дону, Кубани и Терреку жить. Ведь географически и геополитически их нет⁴⁵! Большевики их уничтожили. И там, на местах, старые казаки понимают всю трагическую сложность обстановки. Там понимают, что прежде чем говорить о самостоятельности Дона – “Всевеликого войска Донского”, прежде чем мечтать о России, “единой и неделимой”, нужно вернуть себе почетное звание казака, заслужить себе уважение, добиться признания своих прав».

Петр Николаевич прекрасно осознавал и глубину душевной ломки, произошедшей за годы большевизма: «Молодежь тамошняя требует основательной переработки. Бога забыли, к старшим, к родителям, относятся скверно, очень самоуверенны и ненадежны, – это пока пролетарии, и подход к ним трудный. Кроме того, все они крайне запуганы и недоверчивы».

В декабре 1942 года при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий создается Казачье управление, на которое возлагалась забота о казаках и их семьях, и к работе в нем немцы привлекают П. Н. Краснова. Современный историк пишет:

«25 января 1943 г. он (П. Н. Краснов. – А. М.) подписал обращение, в котором призвал казачество на борьбу с большевистским режимом. В обращении отмечались особые казачьи черты, казачья самобытность, право казаков на самостоятельное государственное существование, но не было ни слова о России. Как позже признавался сам Краснов, с этого момента он стал только казаком, стал служить только казачьему делу, поставив “крест на своей предыдущей деятельности”. Это вполне сочеталось с мнением старого атамана о необходимости “вернуть себе почетное звание казака, заслужить себе уважение, добиться признания своих прав”».

Управление предложило Краснову возглавить казачье правительство за границей, но генерал категорически заявил на это, что все войсковые атаманы, а тем более Верховный Атаман Казачьих Войск, должны выбираться, и непременно на казачьей территории. Функции временного правительства было решено передать Главному управлению Казачьих Войск, сформированному в феврале – марте 1944 года. Тогда же Казачьему Стану, включавшему в себя в основном казаков-беженцев, была предоставлена территория в 180 000 гектар в Западной Белоруссии, но уже летом казаки были эвакуированы в Северную Италию.

Главное управление Казачьих Войск возглавил генерал Краснов, в его состав вошли Войсковые и Походные Атаманы Донского, Кубанского и Терского Войск. Фактически обязанности Главного Управления были скопированы с Казачьего Управления, к которым добавился также вопрос пополнения казачьих формирований.

Казачьи части выгодно отличались внутренней крепостью от других русских формирований, в том числе Русской Освободительной Армии генерала

А. А. Власова. Генерал Балабин отмечал: «Ко мне поступает много прошений “принять в казаки”... принять в казачьи части... На вопрос, почему русские не идут в РОА – отвечают, что РОА ненадежна, что в критическом положении РОА может перейти и к большевикам, и к партизанам (были случаи), ну а казаки никуда не перейдут и никогда не предадут – казакам некуда деваться».

Не обращая внимания на свой преклонный возраст (ему давно уже перевалило за семьдесят), Петр Николаевич Краснов развернул активную деятельность: выступал с докладами и лекциями, писал множество статей, вел переговоры с германскими и казачьими представителями, отдавал приказы, посещал части... В конце зимы 1945 года он вместе с другими сотрудниками Главного Управления прибыл в расположение Казачьего Стана. В начале мая казаки перевалили Альпы и сдались в Австрии 8-й британской армии. Неподалеку от городка Лиенц, где они расположились, разместилось около 5 тысяч кавказцев во главе с генералом Султаном Келеч-Гиреем (бывший начальник Горской дивизии во время Гражданской войны). Уже после официальной капитуляции Германии в Австрию вышел из Хорватии XV-й Казачий кавалерийский корпус генерала Г. фон Паннвица, а в городок Шпиталь провались несколько сот «Казачьего резерва» под командой «легенды Гражданской войны» – генерала Андрея Григорьевича Шкуро, которым пришлось с боем пробиваться через «советский» Юденбург в английскую зону оккупации.

Началось тяжелое ожидание. 28 мая, под предлогом встречи с английским фельдмаршалом Г. Александером, офицеры были отделены от рядовых (около 1500, в том числе 14 генералов, из Казачьего Стана; примерно 500, в том числе 150 немцев, из корпуса Паннвица; 125 кавказцев) и под усиленным конвоем отправлены в Шпиталь, где после помещения за колючую проволоку им было объявлено о предстоящей выдаче Советам.

Петр Николаевич решил сделать последнее, что мог для казаков: в течение ночи он написал на французском языке несколько петиций – английскому Королю, в Лигу Наций, Красный Крест, Архиепископу Кентерберийскому... Испещренные тысячами подписей казачьих офицеров, некоторые из которых (например, А. Г. Шкуро) были кавалерами высших английских орденов, все письма остались без ответа. Офицеры не просили милости – если были преступления против человечества, пусть за них судит военный суд, но огулом обрывать на смерть тысячи человек...

76-летний старик, «Петр Николаевич предлагал, чтобы его первого судили, старого офицера русской Императорской Армии. Если его признают виновным, он покорится решению суда. Он брал на свою ответственность и под свое честное слово не только тех, кто из рядов эмиграции или по призыву попал в немецкие части, не только тех, кто был рожден в Германии или в зарубежье, но всех тех, кто открыто и честно боролся против коммунизма и в прошлом были советскими гражданами»... Прекрасно понимая, что их ждет, несколько офицеров повесилось, трое перерезали себе вены осколками стекла.

Утром к лагерю подошла длинная колонна крытых грузовиков. Офицерам было объявлено о выдаче. Пассивное сопротивление севших на землю, сцепившись за руки, офицеров было быстро преодолено при помощи прикладов доблестных британских солдат. Многие офицеры показывали британским «коллегам» паспорта Франции, Югославии, Польши, «нансеновские паспорта», удостоверявшие их статус признанных Лигой Наций политических бе-

женцев, не подлежащих насильственной выдаче. Британцы лишь глумились в ответ: «Вы – казацкие офицеры, будете показывать свои документы в СССР Сталину: езжайте к нему в гости». Безоружных офицеров, помимо конвоя с автоматами и гранатами, конвоировали бронетранспортеры и танки (!).

Через четыре часа пути колонна прибыла в Юденбург, где более двух тысяч офицеров были переданы СМЕРШу 3-го Украинского фронта. В отношении П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро и других видных участников Гражданской войны чекисты провернули «коммерческую сделку»: старых эмигрантов «выменяли» за группу германских морских офицеров во главе с адмиралом Редером. Через два дня после выдачи офицеров, также при помощи прикладов и штыков, началась выдача рядовых казаков и их семей. Опять были самоубийства, застреленные «при попытке к бегству», несколько казачек с детьми бросились с моста в быструю Драву...

Группа старших офицеров после допросов была доставлена в Москву, на Лубянку. Там, в тюремной бане, в начале июня внучатый племянник Петра Николаевича, Николай Краснов, в последний раз видел своего деда. Позднее Николай вспоминал:

«– Запомни сегодняшнее число, Колюнок, – говорил он мне. – Четвертое июня 1945 года. Предполагаю, что это – наше последнее свидание. “Гусь свиные не товарищ”, как говорится. Не думаю, чтобы твою молодую судьбу связали с моей, поэтому я и попросил, чтобы тебя мне дали в банники.

Ты, внук, выживешь. Молод еще и здоров. Сердце говорит мне, что вернешься и увидишь наших... А я уже двумя ногами стою в гробу. Не убьют – сам умру. Подходит мой срок и без помощи палачей...

...Если выживешь – исполни мое завещание. Опиши все, что будешь переживать, что увидишь, услышишь, с кем встретишься. Опиши как было. Не украшай плохое. Не сгущай красок. Не ругай хорошее. Не ври! Пиши только правду, даже если она будет кому-нибудь глаза колоть. Горькая правда всегда дороже сладкой лжи. Достаточно было самовосхваления, самообмана, самоутешения, которыми все время болела наша эмиграция. Видишь, куда нас всех привел страх заглянуть истине в глаза и признаться в своих заблуждениях и ошибках? Мы всегда переоценивали свои силы и недооценивали врага. Если бы было наоборот – не так бы теперь кончали жизнь.

Шапками коммунистов не закидаешь... Для борьбы с ними нужны другие средства, а не только слова, посыпание пеплом наших глав и вешание арф на вербах у “рек Вавилонских”...

– ...Учись запоминать, Колюнок! Зарубай у себя на носу. Здесь, в подобных условиях, писать тебе не придется. Ни записочки, ни заметочки. Употребляй мозг, как записную книжку, как фотографический аппарат. Это важно. Это невероятно важно! От Лиенца и до конца пути своего по мукам – запоминай. Мир должен узнать правду о том, что совершилось и что совершится, от измены и предательства до... конца.

...Не воображай себя писателем, философом, мыслителем. Не выводи сам своих заключений из того, что тебе не ясно. Дай их вывести другим. Не гонись за четкостью фразы, за красотой слов. Не всем это дано. Будь просто Николаем Красновым, а не художником-писателем. Простота и искренность будут твоими лучшими советниками.

...В свое время я написал много книг. Всю свою душу вложил в них. Многие мои произведения занозой сидят в сердцах наших теперешних “радушных

хозяев". Они переведены на 17 языков. И сегодня меня спрашивали – откуда я брал типы и материалы, есть ли у меня еще что-либо не изданное, где находится. Им я не сказал, но тебе скажу: у бабушки, Лидии Федоровны! Там и манускрипт книги "Погибельный Кавказ". Повесть. Посвятил я ее нашему юношеству. Русскому юношеству. Прошу тебя, если выйдешь – издай эту книгу в мою память. Обещаешь?..

– Обещаю, дедушка!

– ...Что бы ни случилось – не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ – виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Не достаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось, Николай. От тех, кто стоял между престолом и ширью народной...

...Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно-же будет жить Сталин и сталины. Умрут они, и настанут многие перемены.

...Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь. Жаль, что я не доживу... Помнишь наши встречи с солдатами в Юденбурге? Хорошие ребята. Ни в чем я их винить не могу, а они-то и есть – Россия, Николай!

...А теперь давай прощаться, внук... Жаль мне, что мне нечем тебя благословить. Ни креста, ни иконки. Все забрали. Дай, я тебя перекрещу, во имя Господне. Да сохранит Он тебя...

Дед крепко сложил пальцы и, сильно прижимая их к моему лбу, груди, правому и левому плечу, осенил крестным знаменем.

Я чувствовал, как комок рыданий подкатывает к горлу. Слезы остро защипали края век. Мне пришлось до боли сжать зубы, чтобы сдержать себя. Обняв старческое тело, я старался в этом объятии передать все свои мысли и все свои чувства.

– Прощай, Колюнок! Не поминай лихом! Береги имя Красновых. Не давай его в обиду. Имя это не большое, не богатое, но ко многому обязывающее... Прощай!»

После бани с кителя генерала исчезли погоны и орден Святого Георгия IV-й степени.

* * *

16 января 1947 года в Москве на скамье подсудимых сидели шестеро генералов: эмигранты П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов и Султан Келеч-Гирей, советский гражданин Т. И. Доманов и германский подданный Г. фон Паннвиц. Суда по существу не было. Разрешение на его закрытое проведение, осуждение к смертной казни и приведение приговора в исполнение было запрошено министром госбезопасности Абакумовым у И. В. Сталина заранее. «Вождь» наложил резолюцию: «Согласен».